

УДК 651.926.82.035

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ П.-Ж. БЕРАНЖЕ И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

© 2008 З.В. Сидоровская

Ярославский государственный ГПУ им. Ушинского

Поступила в редакцию 14 мая 2008

Аннотация: Статья представляет собой этнолингвистический анализ поэтического произведения П.-Ж. Беранже “L’habit de cour” и его переводов на русский и английский языки. Выявляются черты русского и английского этноса, культуры и общества, которые повлияли на перевод.

Ключевые слова: этнолингвистический, перевод, культура, понятие, транслировать.

Abstract: This article presents the ethnolinguistic analysis of Beranger’s poetry “L’habit de cour” (The Court dress) and its translations into English and Russian. It reveals the main features of English and Russian society and culture that have influenced the translations.

Key-words: ethnolinguistic, translation, culture, notion, translate.

Как известно, “этнолингвистика есть раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции” [1, 144].

Поэзия Пьер-Жана Беранже является не только энциклопедией жизни поэта, но и энциклопедией истории и общественных событий Франции XIX-го века. Политическая сатира – это именно тот жанр, в котором поэт добился успеха и благодаря которому стал известен. Беранже широко переводился на русский язык начиная с конца 1810-х. В 50–60-е годы, в условиях подъёма освободительного движения, поэзия Беранже приобретает особенно широкую популярность и становится действенным орудием в руках передовых общественных сил России. Поэт-песенник находит в России вторую Родину, благодаря талантливым переводам его произведений В. Курочкина и М. Михайлова.

В Англии Беранже был не столь популярен. Для целей данного исследования удалось найти единственный экземпляр переводов Беранже на английский язык во всех американских библиотеках, автором которого является Уильям Андерсон. Книга была издана в 1847 году в Эдинбурге, Лондоне и Глазго.

“Среди идей американских этнолингвистов наиболее популярна гипотеза Б. Уорфа о том, что каждый язык не только по-своему неповторимым образом воссоздаёт природу и социальную действительность, но и закрепляет неповторимое мировоззрение. В то же время весьма актуальной для современной лингвистики проблемой является моделирование картины мира, мира знания, присущего тому или иному этносу” [1, 59].

На примере подлинных произведений Беранже и его переводов будет предпринята попытка воссоздать некоторые черты картины мира и социальную действительность французского, русского и английского этносов XIX-го века.

Рассмотрим песню “L’habit de cour” (дословно: “Придворное одеяние”). В русском переводе название звучит как “Новый фрак” (в переводе

В. Курочкина, вторая половина XIX-го века), в английском варианте — точный перевод “Court Dress”. Вольное название песни в русском варианте точно отражает её содержание: одевание действительно для героя новое, а по словарю Даля слово *фрак* означает ‘французскую короткую мужскую одежду, куртку с хвостами, пола’. В русском языке это слово имеет коннотативную окраску торжественности.

В первой строфе подлинника песни лирический герой решает стать придворным, собирается на приём к знатной особе (принцу) и для этого покупает у старьевщика платье придворного. Обращают на себя внимание следующие французские реалии: *chambellain (m)* — камергер (управляющий /двором короля, королевы или другого высокопоставленного лица), *courtisan (m)* — придворный, *prince (m)* — принц. В английском переводе данные реалии сохранены, что свидетельствует о родственности европейских культур и языков. Однако появляется дополнительная английская реалья *levee*, обозначающая ‘утренний приём посетителей у постели какого-либо знатного лица; утренний выход коронованного лица’ [2]. Данная лексическая единица помогает создать образ английской придворной жизни, транслируя происходящие события в Англию XIX-го века.

В русском переводе придворные названия опускаются, переводчик вводит лексику *вельможа*, чтобы назвать великосветское лицо, на приём к которому собрался лирический герой произведения. По словарю Ожегова: “В старое время: знатный и богатый сановник. Царские вельможи”. Выбор лексики русского перевода поддерживает иронический стиль песни и придаёт ей русский колорит. В данной строфе: *нету сил, откушать*.

Во второй строфе амбиции подгоняют героя, в своём дорогом одевании он учится кланяться ниже, а люди обращаются с ним вежливо и ждут его возвращения. В английском переводе появляются родственники (*folks*), которые “старательно” ждут его возвращения, что свидетельствует о крепости родственных уз в Англии. В русском переводе тот факт, что кто-либо ожидает возвращения героя, опущен. Появляется образ российской моды XIX-го века: *фрак с тальею высокой*.

В третьей строфе произведения речь идёт о том, что герой по дороге к его высочеству встречает “кутил” (*de bons vivants* — дословный перевод), которые предлагают ему позавтракать. Он соглашается, но просит поторопиться. И как только он собрался *улизнуть (s’esquiver)*, один из его друзей объявляет, что у него скоро свадьба. Появляется много бутылок (*nombreux flacons* — флакон, пузырьёк), друзья поют весёлые песни. В английском переводе данных строф понятие “кутилы” заменено на “весёлые друзья” (*gay friends*), за столом пьют красное вино (*claret*), количество спиртного не

упоминается. Герой ведёт себя вполне прилично, соответственно нормам Викторианской Англии. Стоит обратить внимание на русский перевод данных строф. Уже за завтраком “*бутылок длинный ряд!*” Русифицированный персонаж недолго размышляет над предложением выпить: “*С друзьями выпить? Отчего же... Оно бы лучше натошак...*” Известно, что обязательной частью французской трапезы является вино, однако традиции пить натошак во французском обществе не существует. После весёлого гулянья на свадьбе герой “*стал красен от вина, как рак*”. Вводя идиоматическое выражение, свойственное русскому языку, переводчик вновь транслирует происходящие события в русскую действительность.

В следующей строфе герой, “шатаясь”, всё-таки “доталкивает” себя (*je te pousse*) до замка его превосходительства. Но у дверей он видит Розу, которая “стуит” (дословно) высокопревосходительства и не требует придворного одевания. Интересен русский перевод данной строфы. Выражение “*бреду, цепляясь за забор*” вызывает ассоциацию с русской деревней, где все избы окружены деревянными заборами: пьяный мужичок бредёт по заборам домой. Выражение “*Правый боже!*” характеризует русский этнос как набожный, религиозный, верующий. Данная строфа в английской интерпретации не обнаруживает существенных этнолингвистических особенностей. Но последующая (шестая строфа) подлинника по какой-то причине была выпущена английским автором.

Краткое содержание строфы следующее: “кокетка” уводит лирического героя далеко от дворца в свою комнатку, так подходящую для их страсти. И там одевание героя становится для него таким тяжёлым, что он снимает его... Видимо, моральные устои и цензура Викторианской Англии не позволили переводчику сохранить полностью содержание песни. Феномен опущения строф “постыдного” содержания встречается в работах Андерсона не первый раз. Четвёртая строфа песни “Король Ивето” Беранже, из которой мы узнаём, что король являлся ловеласом, также выпущена английским переводчиком. А в песне “*Le sénateur*” английский автор не переводит строфу, в которой есть прямой намёк на связь жены героя с сенатором. Причиной таких “вырезок”, по всей видимости, являются социальные условия, эпоха, в которой выполнены переводы. Викторианская эпоха — это время монархии, строгих приличий и правил поведения, которая диктует нормы перевода. В русской интерпретации появляется “*чердак*” (истинно русская реалья), такие сравнения, как “*как послушного вола*”, “*мне фрак стал тяжелей рогожи*” придают песне русский национальный колорит.

Последняя строфа подлинника рассказывает о том, что из-за напрасных и глупых амбиций ру-

шатся мечты, поэтому герой песни возвращается в кабаре (французская реалия), засыпает в приятном опьянении и предлагает своё придворное одеяние тому, кто пойдёт к его высочеству.

Данная строфа заслуживает внимания в английском варианте. Герой-англичанин возвращается домой, а не в кабаре: “*I to my home contented sped*”, что свидетельствует о ценности дома, семьи для английского этноса. “В британском обществе понятие *семья* связано с понятием глубокой нравственности, социальной стабильности и покоя, и в этом аспекте семья практически полностью ассоциируется с понятием дома, а с домом связано ощущение тепла, уюта, чего-то близкого, родного, очень личного. Эта замкнутость чувств и пространства глубоко заложена в менталитете носителей английского языка” [3,7]. Появляется понятие *fortune*, обозначающее для англичан “некую высшую силу, управляющую судьбами людей, влияющую на течение жизни; этот феномен осмысливается в двух ипостасях: сила, несущая добро, — фортуна и сила, несущая зло, — фатум” [2]: “*There many a happy hour I know. Which Fortune’s change can ne’er depress*”.

Английский автор заявляет, что даже изменение судьбы не сможет заменить ему те часы, которые он провёл дома, таким образом, подчёркивая значение *дома* для англичан. В русском варианте появляется такое понятие, как *независимость*, несущее огромное значение для русского этноса, о чём свидетельствуют многочисленные песни и стихи, посвящённые свободе: “*Мне независимость дороже, чем светской жизни блеск и мрак*”.

Приведенный выше анализ дает возможность воссоздать образ французского этноса, в частности образ небогатого француза-мужчины позапрошлого века: это завсегдашней кабаре, любитель женщин и вина, кутила; и образ Франции XIX-го века — страны принцев, камергеров, дворцов и бедняков, вынужденных покупать платье у старьевщика, чтобы попасть на приём к знатной особе.

Декодируя английскую версию произведения, сравнивая её с оригиналом и находя этнолингвистические различия, можно нарисовать и образ Англии XIX-го века и этноса, её населяющего. Англия представляет собой монархию с жёсткой цензурой, строгими нормами поведения и правилами приличия, поэтому переводчик систематически выпускает строфы “игривого” содержания. Как и Францию, её населяют камергеры и принцы, но у них есть регламентированные часы приёма посе-

тителей. Английский этнос характеризуется верой в удачу и фортуна, высшие силы, управляющие жизнью. Англичане привязаны к семье и дому, в праздники пьют красное вино и шампанское.

Русский перевод даёт следующие черты русского этноса: русский обыватель времен Курочкина — любитель выпить, он религиозен, свободолюбив. Упомянутые в тексте реалии *чердак, забор*, позволяют воссоздать в воображении окружающую действительность. Но вместе с тем существует и мир “*вельмож*”. Но он скорее недостижим и даже не является мечтой русского человека.

Таким образом, переводы оригинального произведения полностью не отражают картину мира автора подлинника, а транслируют оригинальное произведение в свою культуру, наделяя его чертами той действительности, в которой выполнен перевод и того этноса, к которому они принадлежат. Вопрос о том, можно ли переводить таким образом или перевод должен точно следовать подлиннику, является спорным. С одной стороны, вносить свои изменения в произведение иноязычного автора переводчик не имеет права, с другой стороны — перевод должен производить на читателя те же впечатления, вызывать те же ощущения, что и оригинал. Для этой цели переводчик вводит реалии, свойственные его собственному этносу, его культуре и языку, иначе читатель будет думать, что речь идёт только о чужой стране и к нему не имеет отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. — 2-е изд., исправл. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 457 с.
2. ABBY Lingvo 12, 2006 — (<http://www.Lingvo.ru>)
3. Терпак М.А. Специфика коннотативного содержания единиц английского лингвокультурного концепта “Семья” / М.А. Терпак // Электронный Вестник переподготовки и повышению квалификации по филологии и лингвострановедению. — (<http://www.vestnik.ssu.samara.ru>.)
4. Беранже Пьер-Жан Избранное / П.-Ж. Беранже. — Ростов на Дону: Феникс, 1996. — 295 с.
5. Vйranger Oeuvres choisies/ Vйranger. — М.: Прогресс, 1980. — 423 с.
6. Pierre—Jean de Vйranger, selected and translated by William Anderson Lyrical Poems/ William Anderson. — Edinburgh : Sutherland & KNOX, 1847. — 240 с.

Сидоровская З.В.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.
Аспирант кафедры иностранных языков и литератур.
etualka@list.ru

Sidorovskaya Z.V.
Teachers’ training University Of Yaroslavl.
Post-graduate student of the foreign languages and literature department.
etualka@list.ru